

Петропавловский бой

Н. О'РУРК

Фамилия О'Рурк — ирландская. Ее представители покинули Ирландию и поселились во Франции в 1688 году, в то время, когда началась массовая эмиграция из-за нашествия англичан. Родоначальником семейства О'Рурков в России является Корнелиус О'Рурк (1736–1800), которого в чине капитана в 1760 году пригласили в Петербург в качестве инструктора для обучения солдат гвардии. Его зачислили на русскую службу и направили в Кирасирский полк, находившийся в заграничном походе в составе армии генерал-фельдмаршала П.С.Салтыкова. Корнелиус с отличием участвовал во многих кампаниях и дослужился до чина генерал-майора от кавалерии.

Он имел двух сыновей: Егора и Иосифа. Младший — генерал Иосиф О'Рурк (1772–1849) — участник 119 боев и сражений, герой войны 1812–1814 годов. Его портрет находится в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже.

Внук Корнелиуса — Николай О'Рурк (1834–1916) поступил юнкером на флот и на фрегате «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И.Н.Изыльметьева в 1853–1857 годах совершил кругосветное плавание. Выйдя из Кронштадта, «Аврора» миновала Атлантику, обогнула мыс Горн, затем пересекла Тихий океан и прибыла на Камчатку. Шла Восточная (Крымская) война, и фрегат принял неравный бой с англо-французской эскадрой. В этом бою Николай О'Рурк отличился и получил солдатский Георгиевский крест и звание мичмана. Сохранились записки Н.О'Рурка о плавании фрегата «Аврора», содержащие 16 глав и частную переписку автора с приложением выписок из судового журнала.

Ниже приводится 10-я глава записок, содержащая описание героического боя фрегата «Аврора», с приложением подробной карты, составленной автором. Вот данные о корабле и его экипаже, приведенные в записках:

«Фрегат "Аврора" первоначально построен в С.-Петербурге в 1835 г., отремонтирован в Кронштадте в 1851 г., имеет 24 двадцатичетырехфунтовых пушки, взамен карронад — 18 двадцатичетырехфунтовых пушек и две

Н. О'Рурк

медные пушки для стрельбы бомбами (единороги). Фрегат имеет на борту 317 человек экипажа. Командир фрегата — капитан-лейтенант Ив.Изыльметьев; капитан-лейтенант Михаил Тироль; лейтенанты: Михаил Федоровский, Константин Пилкин, Иосиф Скандраков, Евграф Анкудинов, князь Александр Максудов; мичманы: Василий Попов, Дмитрий Михайлов, Андрей Поля, Николай Фесун; Корпуса флотских штурманов: подпоручик Василий Дьяков, прапорщики: Семен Самохвалов, Аполлон Шенурин; Корпуса морской артиллерии — прапорщик Дмитрий Жилкин; цейхвахтер 9-го класса Михаил Злобин; младший врач, доктор медицины Виталис Вильчковский; иеромонах Александро-Невского монастыря Иона Голубцев; юнкера: Николай О'Рурк и Константин Литке; гардемарины Морского кадетского корпуса: Гавриил Токарев, Иван Колокольников, Вольдемар Давыдов, Дмитрий Кайсаров. Академия наук в С.-Петербурге назначила в экспедицию на наш корабль натуралиста Леопольда Шренка,

чертежника Василия Полеванова и преподавателя г. Шилла».

Публикуемые материалы любезно предоставлены внуком Н.О'Рурка — И.А.Орурком. Сохранены особенности стилистики автора.

9 августа прибыл гамбургский барк-шиф «Magdalena», командир — Westergaard. Выйдя из Гамбурга 14 марта — нового стиля — и никуда не заходя, — он обогнул мыс Горн и 9/21 августа бросил якорь в Петропавловске. Он привез муку и водку, — и то, и другое было крайне необходимо для Камчатки.

Был вторник 17/29 августа 1854 года, когда с Дальнего маяка передали, что на горизонте показались несколько кораблей, которые держат курс прямо на бухту Авачу. Такое известие, разумеется, привело весь город в смятение. Была пробита тревога, по которой на батареях все артиллеристы стали у орудий. Лишь в 5 часов пополудни зашел в залив один пароход и поднял американский флаг, но когда посланный адмиралом* Завойко штурманский офицер Самохвалов подошел к пароходу на вельботе, тот быстро повернул и при выходе из бухты спустил американский флаг и на несколько минут поднял английский. С наступлением темноты все корабли повернули от берега.

Среда 18/30 августа. Рано утром опять показались корабли, а в 11 часов, в то время как все мы собрались в кают-компани, т.е. на берегу, чтобы хорошо позавтракать, и пили шампанское за будущие военные успехи, был подан сигнал, что к нам быстро приближаются 6 военных судов. Раздался пушечный выстрел — условный знак, по которому все должны были занимать свои места. В 4 часа дня эскадра противника из 6 судов под английскими и французскими флагами вошла в бухту. На всех батареях и на фрегате происходили молебствия с коленопреклонением. В 5 часов эскадра, с английским 50-пушечным фрегатом «President» во главе, собралась в бухте. На фрегате флаг контр-адмирала Price. Рядом с «President'ом» 3-мачтовый английский колесный пароход «Virago» с 6 пушками, затем французский 60-пушечный фрегат «La Forte», французский бриг «Obligado» (18 пушек), потом английский 44-пушечный фрегат «Pique» и, наконец, французский 30-пушечный корвет «L'EURIDICE». Французской эскадрой командовал контр-адмирал Febrier des Pointes и держал флаг на фрегате «Forte».

Рассмотрев повнимательнее, мы узнали, нес-

*Описка автора заметок. Камчатский военный губернатор и командир Петропавловского порта Василий Степанович Завойко (1809—1898) в то время имел чин генерал-майора. — Прим. ред.

Как представляется редакции, ценность записок Николая О'Рурка состоит в том, что в них приводится ряд новых малоизвестных подробностей замечательного подвига русских моряков, совершенного при обороне отдаленного форпоста Родины.

смотря на закрашенные белые полосы, наших старых знакомых — соединенную француженско-английскую эскадру, стоявшую вместе с нами на рейде Каллао.

Эскадра шла под всеми парусами, кроме лиселей, направляясь к малой Петропавловской бухте, и только там подняла флаги на судах. Весть, что это эскадра неприятельская, а не американская, как предполагал генерал [Завойко], принявший ее за эскадру адмирала Ретгу, совершавшую научную экспедицию в Беринговом проливе, — быстро разнеслась по городу. Женщины с детьми покинули город и, согласно распоряжению генерала, отправились в Култук. Мадам Завойко отправилась на хутор. Эскадра, очевидно, держала курс на Сигнальный мыс и на вход в Петропавловскую бухту. Старший кн. Максотов, командир батареи № 3 на перешейке (открытая батарея в 5 пушек с нижней палубы фрегата), решил, что настал благоприятный момент и дал выстрел, который, однако, не достиг цели. Под крики «ура!» генерал Завойко, находившийся на батарее № 1 на Сигнальном мысу, открыл огонь, и говорят, что ядро попало в пароход; по крайней мере, эскадра немедленно же повернула и бросила несколько бомб через 500-футовую цепь холмов. Они упали около самого фрегата. Пароход не обошелся без повреждений: бомба с Сигнального мыса попала ему в корму, а ядро с Красного Яра — в верхнюю часть кожуха. Выйдя из-под обстрела, эскадра бросила якорь. Став на якорь, эскадра спустила гребные суда. Одна бомба попала даже в город и разорвалась, и пробка ее упала под ноги доктору Клингеру, стоявшему в дверях госпиталя. Если бы он не успел отскочить, его бы наверняка ранило. Тьма закрыла берег, город спал, на горах не было видно огней, и тишина нарушалась лишь мерными шагами часовых, их окриками: «слушай!», да оглушительным воем рабочих собак. Слышен ли был этот вой на эскадре и как она его себе объясняла, — не знаю. Может быть, там думали, что мы таким воем призываем своих богов? — ибо многие еще ничего не знают о религии русских. В Перу нас очень удивило и стало обидно, когда нас спросили: христиане ли мы? Совершенно иное происходило на эскадре: везде блестяли огни и шляпки то и дело шмыгали от одного корабля к другому. Мы даже предполагали, что ночью можно ожидать высадки.

Четверг 19/31 августа. В 5 часов утра ударил барабан и подняты были флаги, так как неприят-

Порт Петропавловск-Камчатский. Репродукция с гравюры XIX века

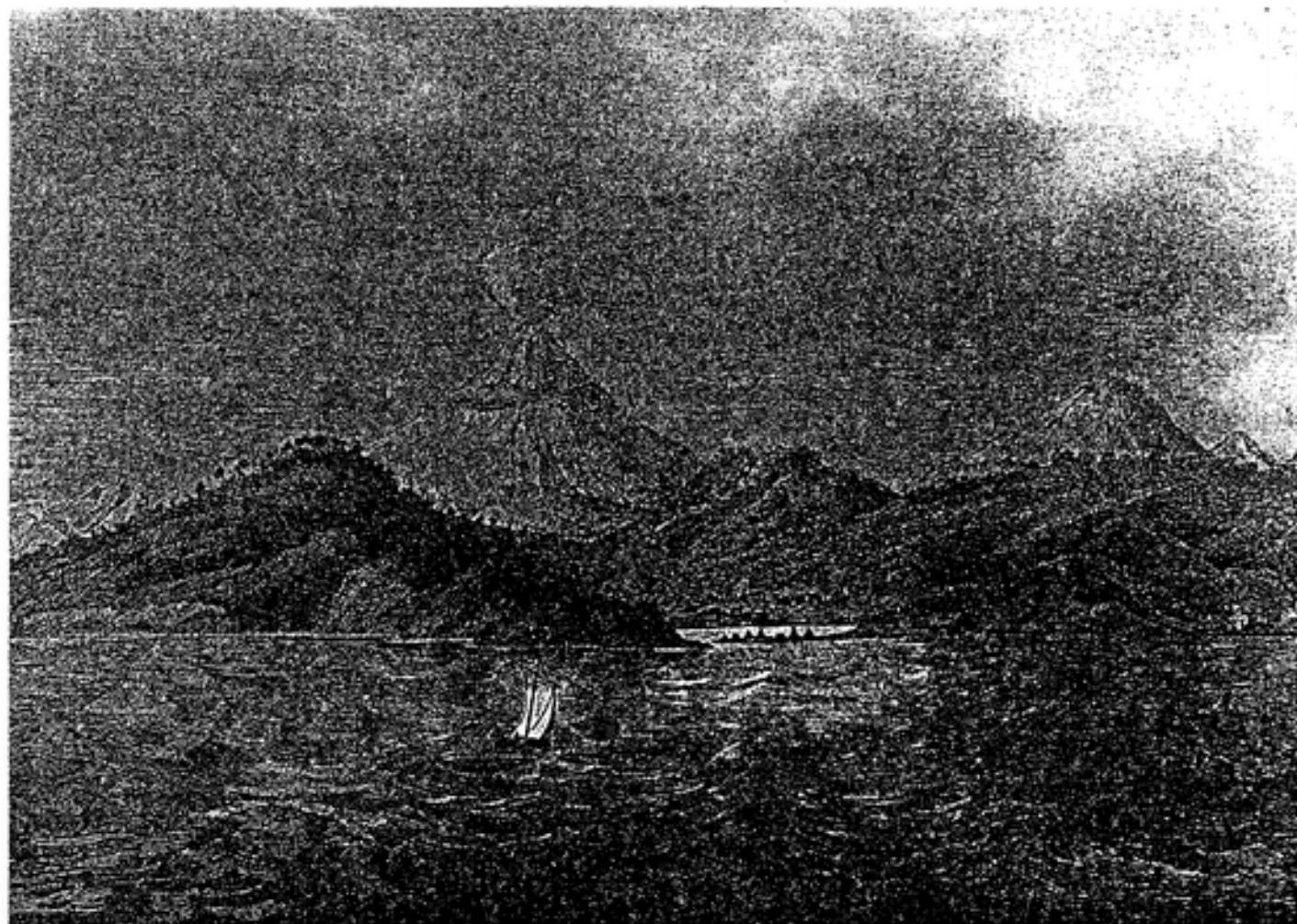
тель бросил несколько бомб, упавших близ батареи № 1 Красный Яр. После этого две французские и одна английская шлюпка стали мерить глубину на рейде и у входа в Малую бухту и приблизились к батарее № 1, где происходило богослужение, так что нельзя было по ним стрелять. В 6 часов утра неприятель послал три шлюпки к Раковому мысу. Они делали промер. В половине 9-го часа гребные суда возвратились. Неприятельские суда были расположены следующим образом: «President», «Virago», за ними «Obligado», «Pique», «Forte» и «Euridice». В 9 часов пароход направился к Дальнему маяку, обменялся с ним несколькими выстрелами, затем вышел из бухты Авачи и вскоре вернулся обратно. Большой бот № 2 был послан при унтер-офицере Усове с 7 матросами и женами и детьми за кирпичами в Тарьинскую бухту. Бот с кирпичом (около 4000 штук) имел на буксире шестерку, всего было 7 человек безоружных матросов. При возвращении бота, к сожалению, наступил шторм, и бот был захвачен 7 неприятельскими ботами и отбуксирован к эскадре.

С нашей стороны в этот день не было дано ни одного выстрела. Ночью с 19-го на 20-е получено было донесение от унтер-офицера Яблокова с Дальнего маяка, что в пароход сделаны им три выстрела из орудия 36-фунтового калибра, на что пароход отвечал четырьмя выстрелами из мортир и повернул назад в губу, — это было

в 9 часов утра. Пароход стал на якорь на прежнем месте.

Ночь с четверга на пятницу была очень неспокойная, часто били тревогу, так как чудилось, будто шлюпки противника приближаются к берегу.

Пятница 20 августа/1 сентября. Рано утром пароход «Virago» пристал к правому борту английского фрегата и принял с него десант. После этого оба фрегата, и французский, и английский, стали по бортам парохода, а второй английский фрегат шел за ними на буксире. Следуя в таком порядке, они стали все более и более приближаться к нам. За первым выстрелом с батареи № 1 — (Сигнального мыса, или мыса Махова), на которой находился генерал Завойко, последовали другие, и вскоре произошла очень оживленная канонада с участием батареи № 2 кн. Максимова и № 4 мичмана Попова. Наши плохо вооруженные и почти неприкрытые батареи, конечно, не могли оказать достаточно большого сопротивления серьезному напору противника. Действительно: батареи были неудачно сооружены, в особенности только что упомянутые. Сразу за пушками высилась отвесная голая скала. Ядра противника разбивались об нее, их осколки, а также осколки отбиваемого гранита, разлетаясь, ранили людей и настолько засыпали батареи, что уже нельзя было действовать орудиями.

Вид Петропавловской гавани с моря

Платформа была засыпана землей выше колес, станки, тали и брюки* перебиты; ворочать и действовать ими в таком положении не было возможности, тем более что неприятель уже свозил десант по направлению к Красному Яру. Противник направил на эти батареи такой огонь, что генерал должен был удалиться; командир батареи, лейтенант Гаврилов, был ранен в голову осколком скалы, а в ногу — рикошетом ядра — и выбыл из строя. Было совершенно ясно, что крепость брошена, а потому заметивший это неприятель стал с невыставленных на позицию кораблей обстреливать склон горы, по которому двигались отступавшие матросы. Тем временем фрегаты и пароход подошли еще ближе и бросили маленькие якоря — верпы, что давало им возможность занять любую позицию. Пароход отдал буксиры, и фрегаты стали на шпринге в кильватер один к другому, в 9 часов началось сражение. Не прекращая пальбы, фрегаты спустили на воду шлюпки, заняли их людьми и поставили шлюпки около закрытого борта парохода «Virago». Огонь фрегатов был распределен: некоторые обстреливали батарею № 2 (Максутова младшего), другие — батарею № 4, совершенно открытую и вооруженную лишь 3

пушками с нижней палубы фрегата. Поэтому эта батарея и не могла оказать продолжительного сопротивления, тем более что бывшие в засаде шлюпки выскочили и, за дальностью расстояния в безопасности от наших орудий, быстро устремились к берегу. Увидев это во время своего отступления, генерал Завойко послал матроса к князю Максутову старшему, командиру батареи в овраге на перешейке, с приказанием вывести своих людей с батареи и, соединившись с прочими, броситься на высадившегося неприятеля. Неправильно ли понял кн. Максудов приказ или генерал слишком поспешил с приказом, но князь покинул свою батарею, предварительно заклепав пушки, — что вполне законно и согласно с положением, — и стал приводить в исполнение полученный приказ. При этом наши шлюпки оказали должное содействие для переправы через бухту к косе. Десант, — это мы впоследствии узнали из газет, — состоял из одной английской и второй — французской роты, пришел на 13 шлюпках и высадился на том месте, где в бухту Авача вливается стремительная и шумная Вонючка. Десант, развернувшись, быстро двинулся и, приняв все меры охранения, пошел на батарею, которую командир ее Попов покинул, заклепав пушки. Отступив, он присоединился к мичману Михайлову, который командовал отрядом из 60 матросов 47-го экипажа, назначенных для пополнения состава батарей.

*Брюк — толстый трос для удержания орудия при откате. — *Прим. ред.*

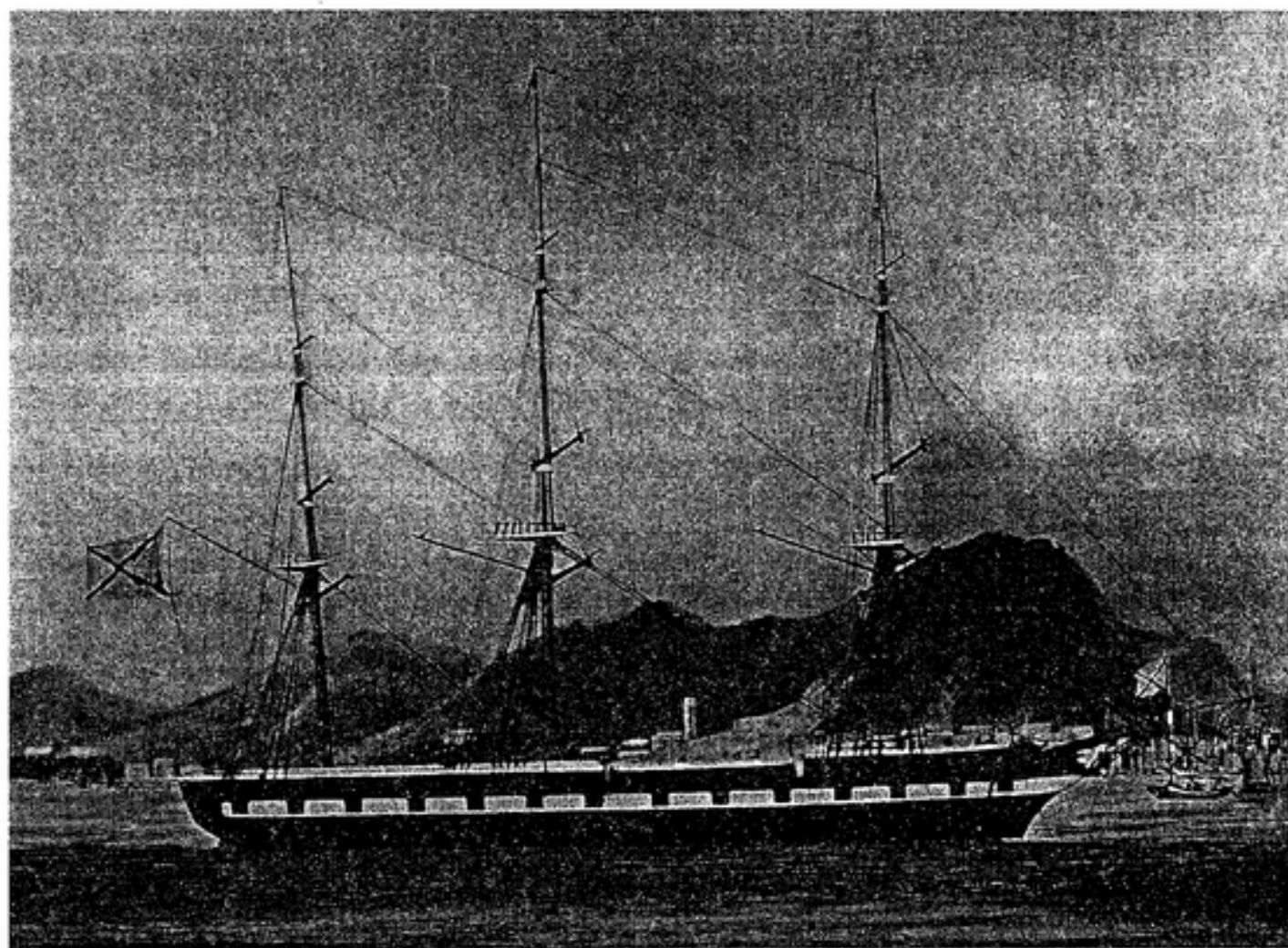
Только что вернувшись с батареи на Сигнальном мысе, куда я был послан командиром и где впервые увидел ужасы войны, я был на фрегате и очень удобно устроился, имея под рукой подзорную трубу, направленную на батарею № 4 на Красном Яру. Противник успел уже здесь сбросить одну пушку с высокой скалы в бухту, лафеты же других рубились саблями. Когда весь десант поднялся на холм, — солдаты, преимущественно французы, — выстроились; перед ними офицер поднял флаг и, размахивая руками, стал держать к ним весьма оживленную речь, встреченную громким «ура!». Но две бомбы: одна из них — с «Авроры» — прекратили красноречие француза, нанесли урон и произвели смятение в неприятельских рядах. Взбешенные, они бросились в сторону, открыв беглый огонь по кустам. Но русских там уже не было: они отступили перед громадным перевесом сил противника и избегая бесполезных потерь от пушечного огня с неприятельских судов. Вскоре мы услышали звуки горнов и сигналы с кораблей и увидели, что десант покидал берег, понеся потерю в числе одного офицера и нескольких солдат. После этой неудачи шлюпки обогнули мыс и приблизились к перешейку. Тогда командир послал меня с докладом об этом генералу, который все еще находился в городе, на мосту. Он воодушевлял бедных солдат, не решавшихся идти в атаку на неприятеля, и действовал не только энергичными возгласами, но и ударами палки. Если бы только знал неприятель, что все крепостные пушки, кроме стоявших на косе, заклепаны, — Камчатке был бы конец! Батареи на Сигнальном мысу и на перешейке были заклепаны по приказу самого генерала, а пушки батареи № 5 на Красном Яру, стоявшие на берегу озера, были приведены в негодность командиром ее капитан-лейтенантом Королевым, по распоряжению инженерного офицера Муравинского*. Инженер, объявив себя уполномоченным генерала, что, по-видимому, не соответствовало действительности, приказал командиру бросить батарею, отправиться на мост к генералу и там соединиться с мичманом Фесуном, командовавшим отрядом из 30 матросов с «Авроры». После этого поразительный лгун Муравинский удалился, и до вечера его не было видно. Командир фрегата Изыльметьев, показавший в продолжение всего дела много хладнокровия и знание дела, послал своего артиллерийского офицера прапорщика Можайского на перешеек, чтобы он попытался расклепать там пушки, ибо время не терпело. Этому тихому, молчаливому, но знающему свое

*Инженер-поручик К.Муравинский (правильно — Мровинский) принимал деятельное участие в строительстве береговых батарей. Характеристика его автором записок субъективна. — *Прим. ред.*

Контр-адмирал И.Н.Изыльметьев. В дни обороны Петропавловска-Камчатского — командир фрегата «Аврора»

дело офицеру удалось, действительно, очистить запалы от клепки — с помощью пороховых зарядов, которые он зажигал с дульной части. Первым же выстрелом он попал в паропровод, а другое ядро потопило шлюпку, неподалеку от фрегата. Шлюпки повернули, а огонь на короткое время совершенно затих. Несколько минут продолжалась мертвая тишина, казалось, что обе стороны собирались с силами, дабы с вящей энергией возобновить бой, так и случилось. Уже несколько раз корабли делали попытки выйти из-за Сигнального мыса и занять место против фрегата. Однако это им не удавалось, ибо стоило им только встать в виду фрегата, как усиленный огонь нашего корабля заставлял их удалиться. Это привело неприятеля в такое бешенство, что он направил убийственный сосредоточенный огонь на батарею № 2 на перешейке. Эта батарея из 11-ти 30-фунтовых пушек, хотя и имела земляной вал, но была так плохо поставлена, что только 4 орудия могли действовать по противнику. К тому же заряды были изготовлены из крупнозернистого плохого качества пороха, хранившегося в крепости с екатерининских времен. Порох был так плох, что снаряды далеко не долетали до цели. И тут опять-таки выручил фрегат. Во время заряжания и наводки орудий матросы, одетые в красные рубахи, представляли прекрасную цель и сильно страдали от огня. Хотя потеря была не очень велика, князь прекратил стрельбу и приказал людям укрыться

Фрегат «Аврора»

за валом, сам же, как истый герой, заложив руки за спину, стал ходить взад и вперед по платформе. В это время дети (за недостатком людей они подносили зарядные картузы) забавлялись на тыловой стороне косы спусканием на воду своих кораблей. Большое удовольствие доставило мне наблюдение за тем, как забавлялись эти 12-летние мальчики. Не могу их назвать храбрыми, так как они, по-видимому, не сознавали опасности, но ангел смерти витал над ними и несколько из них были ранены. Одному из мальчиков оторвало правую руку; он не заплакал, но был как будто смущен. Благодаря Богу, он остался жив и здоров.

Война, как она ни ужасна, но она выявляет духовное величие человека, когда он поставлен лицом к лицу со смертью.

К вечеру неприятель отступил, но еще раз попытал счастья с батареей № 3 на перешейке и перекидывал через него бомбы, дабы нанести какой-либо вред фрегату, но ушел без всякого успеха. Была лишь прострелена мачта гамбургского корабля «Magdalena», стоявшего, как я уже сказал, в бухте на якоре. Американский корабль «Noble» вовсе не пострадал. Во фрегат же, в левый его борт, попал лишь осколок бомбы, такой же осколок попал и в водорез «Двины». (В сражении 20 августа с нашей стороны убитых нижних чинов 6, раненых: обер-офицер и 12

нижних чинов.) Около 7 часов рев канонады стих, и неприятельские корабли стали на якорь ближе к Сигнальному мысу, но совершенно вне досягаемости наших орудий. На фрегате происходил военный совет. Завойко полагал, что противник, имея перевес в силах, одолеет нас и предложил в крайнем случае, когда все средства сопротивления будут исчерпаны, — сжечь фрегат, покинуть город и, забрав самую необходимую провизию, удалиться в глубь страны. Мысли совершенно непонятные после такого безрезультатного боя, когда нам, видимо, Бог помогал. Я подумал о нашей беззащитности, так как почти все пушки были приведены в негодность, вспоминал, с каким одушевлением люди, осыпавшие снарядами с судов, кричали «ура». Я не хочу обидеть генерала, которого ценю и уважаю, но пишу голую правду, такую, какую узнал, скорее даже смягчая, чем стгущая краски. Я ничего не могу подтвердить документально, но призываю всех товарищей в свидетели того, что привожу чистую правду. После генерала на совете выступил наш командир, почтенный, но грубоватый человек, и сказал: «Нет, ваше превосходительство. Вы сделайте, что хотите, я останусь, да моему фрегату бывать еще на Кронштадтском рейде!». При этом стукнул палкой об пол. Это я слышал от товарища офицера, который был на совете. Отвечать за сообщаемое

мною не могу, так как в качестве юнкера я на совете не присутствовал.

В семь часов губернатор, приехав на фрегат, объявил нам, что, по его мнению, теперь можно ожидать решительного нападения на «Аврору». Он надеется, что мы постоим за себя, на что получил единодушный ответ: «Умрем, а не сдадимся!». Поблагодарив капитана и офицеров, он съехал на берег.

Тем временем все-таки мука из магазинов была вывезена и частью убрана за озером, частью же зарыта в землю близ озера там, где батарея № 6. А здесь было решено до последнего биться за веру, царя и отечество. Мука была настолько глубоко зарыта, чтобы до нее не смогли достигнуть снаряды противника. Если б, к несчастью, так случилось, то мука основательно бы залепила глаза всем здесь оказавшимся. Победителю достались бы совершенно пустые магазины, а вывезенную из них за ночь муку ему трудно было бы найти под батареями, так как мудрено было догадаться, где она спрятана. Но тут мы опять жестоко ошиблись. Оказывается, что ссыпанная в бочки мука во время перекатывания их все время высыпалась, так как бочки рассохлись, и утром можно было ясно различить белую как снег дорожку, которая вела от магазина к месту, где мука была зарыта. Уничтожить эти следы за недостатком времени было невозможно; даже и засыпанная песком дорога отличалась бы от общей окраски почвы.

Всю ночь производился разный ремонт. Громкий стук слышен был и на эскадре, что еще более укрепило в нас убеждение, что неприятельские суда серьезно пострадали. Впоследствии мы получили в этом уверенность, прочитав об этом в газетах, а также выслушав рассказы наших пленных, в особенности командира захваченного неприятелем бота № 2, унтер-офицера Усова. Как оказалось, он находился на адмиральском корабле «La Forte» и рассказывал, что в него попадали ядра нашего фрегата. На том же самом «La Forte» разорвало пушку, причем было убито 11 человек. У нас ночью, кроме вывоза муки, были произведены работы по расклепке пушек; скала на Сигнальном мысу была закрыта сукном, чтобы оградить от отбивания осколков, и, наконец, на Красном Яру были установлены сброшенные пушки. Упомяну еще, что вход в Петропавловскую бухту, между косой Кошка и ущельем на перешейке, был загражден прочным боном. Таким образом прошла ночь; тишина ее нарушалась еще частыми тревогами, а у противника — беспрестанным движением шлюпок между кораблями. В ожидании грядущих событий самые разнообразные надежды волновали нас.

Суббота 21 августа/2 сентября. Неприятель производил промеры Тарьинской губы. Около 10 часов мы увидели английскую 10-весельную шлюпку, в которой были один мичман и один

Камчатский военный губернатор и командир Петропавловского порта В.С.Завойко

офицер. (Надо заметить, что английский мичман соответствует русскому гардемарину или юнкеру и в противность нашему офицерскому званию не имеет.) Хотя по расстоянию мы могли бы обстрелять эту шлюпку, но мы предоставили ей делать свое дело. Они высадились у Кислой Ямы — там же, где вчера высаживался их десант. Офицер выскочил на берег и с подозрительной трубой в руках исчез в зарослях. Минут через 10 он опять появился, и шлюпка отвалила от берега. На сей раз мы открыли по ней огонь; дано было три выстрела, первое ядро перелетело, второе упало так близко к цели, что мы решили, что шлюпка погибла, но оказалось, что весла выпали из рук гребцов и всех окатило брызнувшей водой, третье ядро упало в стороне. Не успела шлюпка уйти из-под выстрелов в безопасное место, как мы получили в ответ три бомбы, перелетевшие через горы и упавшие по обе стороны фрегата. Очевидно, офицер рассмотрел крепостные укрепления и наше расположение. Наш бот стоит на значительном расстоянии от эскадры, предполагаем, что на нем начинают бомбы. После полудня пароход «Virago» пошел в Тарьинскую бухту, где утром производился промер. Оттуда мы слышали несколько выстрелов. Вероятно, предавали земле останки покончившего жизнь самоубийством адмирала Price. Из-за густого тумана точно

ничего нельзя было разобрать. Пленные потом показали, что 18 числа, то есть в самый день входа эскадры в Авачинскую губу, нечаянно застрелился английский контр-адмирал Price, заряжая пистолет. Контр-адмиральский флаг его не был спущен во все время пребывания эскадры на рейде. Командир [...] фрегата «Pique», капитан Nicolson, вступил в командование английской эскадрой. Оба английских фрегата стояли рядом, а французский поодаль. В полдень была пробита тревога, так как одна шлюпка приблизилась к Сигнальному мысу. Оказалось, что то был унтер-офицер Усов с женой, тремя детьми и братом его; прочие же с «Двинь» оставлены в плену. Усов привез письмо адмирала Febrier des Pointes к генералу Завойко. Письмо контр-адмирала des Pointes таково:

«Рейд Авача, 1 сентября 1854 г. Господин губернатор! По случайностям войны в мои руки попала русская семья, которую имею честь Вам возвратить. Примите, господин губернатор, уверение в высоком моем уважении. Адмирал главнокомандующий F. des Pointes».

Старик адмирал так растрогался, когда увидел малышей, что даже заплакал. Семья эта кормилась у стола адмирала, а мать с детьми даже ночевала в его каюте. При расставании он подарил жене Усова икону Божьей Матери, которую она сохраняет как реликвию. Усов много рассказывал нам про адмирала, с которым не раз разговаривал; он же сообщил нам и про раненых, и про разорвавшуюся на фрегате «La Forte» пушку. На эскадре было много молодых горячих матросов, так что, очевидно, это была та самая эскадра, которую мы видели в Callao. Не могу не рассказать здесь один маленький анекдот. Когда к берегу стала приближаться лодка, туда был выслан с фрегата лейтенант Анкудинов с его стрелками. Это была наша шестерка, на ней пристали квартирмейстер Усов, жена его с двумя малолетними детьми и матрос Киселев. Лейтенант был очень доволен полученным поручением и поспешил отправиться по назначению. В ревностном пылу он не разглядел среди ссаживающихся из шлюпки женщину и приказал играть сигнал: «ложись». По этому поводу над ним много трунили.

Ночью, по ошибке часовых, весьма часто били тревогу: уставшим за день было очень неприятно подниматься ночью с постели. Но лишняя осторожность в подобных случаях не вредит. Как я уже говорил, до сего времени строго выполнялся приказ, чтобы нигде в окрестностях не зажигали ночью огни. Теперь же было отдано распоряжение, чтобы повсюду и по кособору, и на горах горели огни. Поддерживать эти огни было поручено одному камчадалу. Мера эта имела целью заставить противника подумать, что гарнизон крепости очень велик, а огни жгут сторожевые пикеты.

Воскресенье 22 августа/3 сент. Царствуют

мир и тишина. При работах по исправлению повреждений на батареях была найдена английская матросская сабля — первый боевой трофей.

Понедельник 23 августа/4 сент. Неприятель оставался на том же месте. Наш командир полагает, что противник уже не будет больше атаковать Красный Яр, поэтому он назначил мичмана Попова на батарею № 1, на Сигнальном мысу, вместо раненого Гаврилова. На Красный же Яр был назначен кондуктор морской артиллерии Дементьев.

Вторник 24 августа/5 сент. Уже с 4 1/2 часов утра закипела жизнь на эскадре. Пароход «Virago», имея по обе стороны фрегаты «President» и «La Forte», стал медленно приближаться к перешейку Лаперуза. Погода была великолепная, было тихо, небо безоблачно, поднимался легкий утренний бриз. Затем подняли паруса корвет «L'Euridice» и бриг «Obligado». Фрегат же «Pique», стоя на якоре, поднял, однако, крьюсельфалы, указывая тем, что он собирается куда-то двинуться. Как мы узнали позже, это был обман: весь экипаж ушел в десант и он остался совершенно без людей. К тому же, его не хотели посылать в бой, так как он был совсем новенький: только что из постройки. «Virago» прибукс[ир]овал суда под выстрелами укреплений, причем адмирал des Pointes прикрепил свои суда концами к английскому фрегату, чтобы быть уверенным в его содействии. В 7 1/2 часов почти со всех сторон поднялся пушечный гром. «L'Euridice» и «Obligado» стояли в виду Сигнального мыса, чтобы еще больше разделить наши ничтожные силы. Густой дым, или, правильнее сказать, выпущенные неприятелем против перешейка Лаперуза бомбы, вскоре открылись нашим взорам. Был такой огонь, что весь перешеек изрыт, нет аршина земли, куда не попало бы ядро. Чтобы уберечь фрегат от огня противника, его отвели подалее от перешейка.

Вскоре все орудия были повреждены; люди ранены или перебиты, — в это время князь Максудов подошел к единственной исправной пушке, зарядил ее и изготовился произвести выстрел, но неприятельское ядро ударило в ствол орудия и, отскочив от него, ранило князя в руку. Он свалился в ровик, где люди укрывались от огня противника, и крикнул: «Носилки!» «Ваше сиятельство, Вы сами изволили приказать их отнести», — ответил ему унтер-офицер. «Тогда шинель!» — сказал князь и упал в глубокий обморок, — мы решили, что он скончался. При падении князя на судах раздалось — «ура!». Максудов не был одет по-военному, — на нем было гражданское платье. Мы все берегли военную форму, так как не знали, долго ли пробудем в этих [мало]цивилизованных краях, где даже и сукна достать нельзя. Один наш командир всегда был в эполетах, мы же надевали только форменные фуражки. Надо помнить, что батарея стояла без прикрытия, и, как мы узнали впослед-

КАРТА
СРАЖЕНИЯ

ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОМЪ ПОРТѢ

С. 21 мая 25 Августа

1854 г.

Листъ № 1

Всѣ высоты даны въ сажняхъ

и въ футахъ: 1 сажень = 3 футамъ

и 1 футъ = 12 дюймамъ

и 1 дюймъ = 2,54 сантиметрамъ

и 1 верста = 1,066 км.

Г У Б А

А В А Ч И Н С К А Я

- 1. Американскій Парусный Фрегатъ
- 2. Французскій Фрегатъ "Веллингтънъ"
- 3. Американскій Фрегатъ "Президентъ"
- 4. "Пайеръ"
- 5. Французскій "Ла-Ферриеръ"
- 6. "Шарль-Мари" малой батареи

Высота	10
10	20
20	30
30	40
40	50
50	60
60	70
70	80
80	90
90	100

Видъ батареи	№ батареи	Видъ батареи
1. Американскій парусный фрегатъ	1	1. Американскій парусный фрегатъ
2. Французскій фрегатъ "Веллингтънъ"	2	2. Французскій фрегатъ "Веллингтънъ"
3. Американскій фрегатъ "Президентъ"	3	3. Американскій фрегатъ "Президентъ"
4. "Пайеръ"	4	4. "Пайеръ"
5. Французскій "Ла-Ферриеръ"	5	5. Французскій "Ла-Ферриеръ"
6. "Шарль-Мари" малой батареи	6	6. "Шарль-Мари" малой батареи

Карта Петропавловскаго боя

ствии из заграничныхъ газетъ, неприятель все ясно видел на ней. Было написано про большую храбрость русскаго офицера, даже сапоги котораго могли разглядеть. Тем временемъ корабли, къ которымъ присоединился еще «Obligado», тихимъ ходомъ приближались къ батарее № 7 около озера, откуда слышалась оживленная канонада,

но она была непродолжительна. Первымъ ядромъ сбитъ на фрегате «President» гафель, и англійскій флагъ упалъ. Англичане поторопились поднять его. Пароходъ, подойдя на картечный выстрелъ, очищаетъ берегъ, стреляя картечью черезъ головы своего десанта. Когда котелъ, въ которомъ хранился порохъ, былъ взорванъ, обнаружился большой де-

сант противника на 24 шлюпках; Качалов заклепал запал и, оставив батарею, отступил к озеру. Десант, высадившись между перешейком и батареей № 7, быстро двинулся к этому брошенному укрепленному месту. При громких победных криках пушки были опрокинуты и «брюки» и станки изрублены саблями. Неподалеку оттуда стоял домик, в котором находился склад соленой и сушеной рыбы 47-го экипажа. Противник его разгромил и в полном порядке обошел мыс, образовавшийся у Култушского озера, где существует неширокий проход. Но едва они показались из-за мыса, как оказавшийся в числе охотников Александр фон Бреверн, о котором я уже упоминал, имевший в своем распоряжении медную пушку из состава батареи № 6 (этой батареей командовал поручик корабельных инженеров Гезехус), встретил их сильным картечным огнем. Офицер, барабанщик и весь первый ряд упали. Остальные, сперва ошеломленные, однако же бросились в гору и всю ее заняли. Тотчас же на них были высланы с фрегата три отряда. Затем от [перешейка] Лаперуза пошел к этой горе Пилкин с 30 человеками. Но он пришел поздно и в деле мало участвовал. Лейтенант Анкудинов (с которым был гардемарин Кайсаров) и мичман Фесун, имея первый 60 человек, а второй — 30 человек, явились к генералу, находившемуся у порохового склада. Сюда же прибыл и мичман с 60 матросами 47-го экипажа. Генерал отдал им приказание: «Сбросить неприятеля». Началась пальба из штуцеров, походившая на пчелиное жужжание. Я принялся за описание подготовки к бою перечислением его участников, но очень трудно дать хорошую картину самого боя. Боюсь быть банальным. А потому прошу не осудить меня, так как я даю посредственное описание боя. Я также позволю себе привести подлинные слова из рассказов иностранных газет: «Между тем сражение в кустарниках продолжалось весьма жарко. Солдаты дрались с остервенением, но были поражаемы огнем русских. Уже капитан С.А. Parker, находившийся впереди английских матросов, пал; M. Bougasset был убит, лейтенант Lefebre, с корвета «Euridice», также убит; тогда отряд, не будучи в состоянии выносить неравный бой, получил приказание отступить и возвратиться на суда... Увлеченные первым порывом, матросы бросились в гору, не надеясь встретить сильного сопротивления, но были встречены меткими выстрелами русских стрелков, которые, будучи прикрыты камнями и кустами, не подвергаясь сами большой опасности, осыпали врагов градом пуль». В этом бою принял еще участие подпоручик Петропавловского экипажа Губарев с 15 человеками лучших камчадалов. Едва неприятель успел занять гору, как на батарее № 6 орудия были повернуты в сторону высот и их зарядили картечью. При этом огонь этот был мало

действителен, ибо нельзя было поднять дуло пушек так высоко, как следовало. Тем не менее, огонь этот не позволил противнику спуститься с горы. Тут отличились: командир батареи Гезехус, Сахаров, поручик морской артиллерии Александр фон Бреверн и титулярный советник Зарудный с трехфунтовыми пушками.

Вернемся к батарее раненого кн. Максимова. Когда этот последний упал, туда был командирован с фрегата мичман Фесун, и командир приказал броситься навстречу противнику. Оставшиеся на батарее люди, в числе 22 человек, были отданы в распоряжение шкипера фрегата Шишкина. Последний поднялся оттуда в гору, где должен был встретить взобравшееся на нее подкрепление, высланное с корвета «Euridice» и брига «Obligado» и высадившееся с прибывших пяти шлюпок. На батарее был оставлен также поручик флотских штурманов Дьяков, ему приказано было следить за движением противника и присылать об них донесения на фрегат. Я был послан на смену ему. Ужасен был вид этого крепостного участка: земля была взрыта, валялись убитые и стонущие раненые; тут же я увидел оторванную руку князя. Неподалеку от батареи стояли фрегат «La Forte» и брига «Obligado», жерла пушек которых изрыгали смерть и собирались, казалось, сравнять крепость, а с ней и косу с уровнем моря. Видимо, крепость внушала им не малый страх. Тем временем противник распространился по всей горе и штуцерные пули стали уже достигать до фрегата. Несмотря на страшный огонь, солдаты противника с необыкновенной быстротой и хладнокровием продолжали свой путь, пока единообразие английской и русской формы (наши солдаты были в красных рубашках, очень похожих на форму английских морских солдат) не произвело полного замешательства в рядах французов, боявшихся стрелять по красным мундирам. Вдруг мы услышали радостные крики наших, так как после ружейной перестрелки они с криками «ура» бросились в штыки, этот удар неприятель, хотя и превосходивший нас в силах, не смог выдержать. Отряд — из состава 47-го экипажа в числе 30 человек под командой капитана 1 ранга Арбузова и скандраковские матросы с фрегата оказались уже ненужными. Несмотря на превосходное мужество своих офицеров, десант показал тыл. Смертельный залп внезапно раздался над ними и заставил их или бросаться в пропасть, или умирать под неприятельскими пулями. Солдаты побежали, как говорил Вергилий, «Non passibus aequis»*. Объятые паникой, люди стали бросаться со скалы. Некоторые из них избегли пуль и штыка и остались целы, другие же поломали себе руки и ноги, а третьи — разбились насмерть. Картина

*Слома голову (лат.). — Прим. ред.

Памятник на могиле русских, французских и английских солдат

ужасная; старый адмирал des Pointes сидел в своей белой шлюпке, с обнаженной саблей в руках, подбодрял своих, но его усилия были напрасны, — все бежали к шлюпкам, а группы наших, спустившиеся по скату, стали стрелять в скопившуюся массу, всюду сея смерть. Шлюпки противника не дожидались отставших, подбегавших к берегу, из которых некоторые подымали руки, прося пощады, другие лезли по горло в воду или бросались вплавь догонять шлюпки. Но шлюпки быстро отчаливали, подобрав очень немногих; многие же погибли. Мы разглядели большой английский баркас, который при высадке был набит людьми, а сейчас отвалил от берега, имея только 8 гребцов. На другой шлюпке матросы, скрестив весла, выкинули русский флаг, давая понять, что они сдаются, но нам не удалось забрать их. Хотя поражение противника было полное и бегство паническое, но наше удивление вызывало то хладнокровие, с которым производилась уборка раненых и убитых. Двое, например, подберут упавшего, и сами падают в свою очередь, а на их место тотчас же являются новые. Когда все совершавшееся на берегу было усмотрено на кораблях, там стали рубить концы и, подняв паруса, торопливо удалялись. Так же сделал и пароход, который стал быстро уходить, но все-

таки предварительно дал несколько картечных выстрелов по преследовавшим противника нашим стрелкам, неосторожно вышедшим из кустов. Торопясь уйти, пароход не успел даже взять на буксир свои корабли. Кое-как добрались шлюпки до своих судов, и мы ясно видели, как тела убитых, снятые со шлюпок, вместо того, чтобы быть взятыми на борт корабля, были прямо сброшены в воду. Мне поручили захватить французского офицера, бегавшего будто бы по берегу, но его не нашли, — там никого не оказалось. Наконец, настала полная тишина. Все принимавшие участие в бою собрались около порохового погреба, где находился генерал. Было отслужено благодарственное молебствие Господу Богу с коленапреклонением. Было около 1 часа пополудни. Собрали убитых и раненых. Убитых оказалось 38, а также 4 офицера. Захвачено 4 матроса, но только двое выжили: англичанин и француз, а двое умерли от ран. Был забран английский флаг: на белом поле изображен зеленый шар, а под ним подпись «Гибралтар», а еще ниже: «Per mare ad Terram!»*. Затем нашли еще 8 офицерских сабель и 56 штуцеров. Среди убитых оказался и начальник

*«Через море — к землям!» (лат.) — Прим. ред.

десанта, что мы заключили по найденным при нем бумагам. Начальником французского отряда был Grandiere, командир корвета «L'EURIDICE», а английского — Buggidye. Последний был начальником всего десанта. Как на бал пошли эти герои: были чисто выбриты, одеты в новое изящное платье и великолепное белье, сапоги и шелковые чулки. Имущество убитых было снято с них одним негодяем, которого не хочу называть, собирались уже снять кальсоны и носки, когда задержал это подошедший наш капитан. Все-таки платье и золотые запонки пропали. Подзорная труба начальника десанта досталась нашему командиру, а тяжелые золотые часы купил себе кн. Максutow у одного солдата.

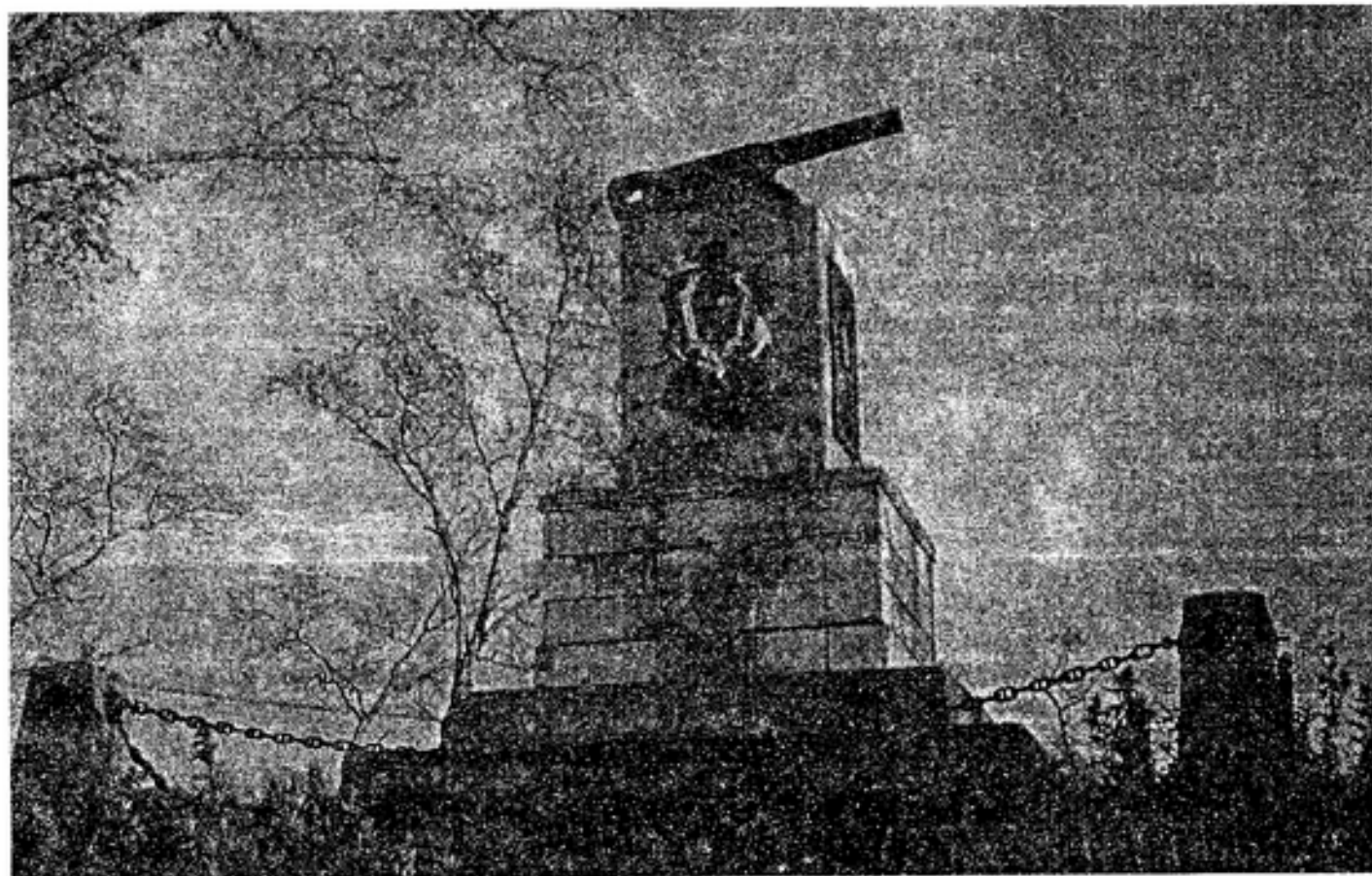
Наши потери: смертельно раненый князь Максutow и раненый пулей в ногу полевой инженер Муравинский; убиты были сын купца Ханькова и еще другой купец. Кроме того, оказались у нас еще 63 раненых и 31 убитый. По найденным бумагам можно было заключить, что десант состоял из 676 человек, а подошедшее к нему подкрепление — из 250 человек, всего 926 человек. По точному же подсчету наших было не более 200 человек, т.е. противник был в пять раз сильнее. Около 3 часов убитые были торжественно похоронены, причем священник Георгий Логинов сказал слово. Всех зарыли в одной общей могиле; и неприятельские офицеры — рядом со своими солдатами, вплотную к ним положены русские.

Повреждения на фрегате «Аврора»: 1. Грот-мачта прострелена ядром с брига «Obligado»,

навылет между $1/3$ и $1/2$ высоты от палубы. 2. Четыре пары грот-вант, шкентель грот-стеньги; грот- и крьюйс-брам-стеньги с громоотводами и некоторый другой такелаж перебиты ядрами. 3. Фор-марсовая железная путен-вант[ина] и стень-фордун с правой [стороны] перебиты ядрами. 4. Поврежден во многих местах брам-такелаж ядрами и бомбами. Нужно заметить, что на фрегате до начала сражения были спущены стеньги, брам-стеньги и нижние реи; верхний рангоут, свезенный предварительно на берег, был поврежден падающими снарядами. Кроме повреждений на транспорте «Двина», американском и гамбургском судах были еще повреждения на батареях и в городе. Сгорел рыбный сарай близ батареи № 7, повреждено 11 домов и 5 других зданий.

На неприятельских судах замечены повреждения: на обоих фрегатах во многих местах пробоины в корпусе и перебиты ванты, — на «President» сбит гафель и перебиты крьюйс-стеньги, на «La Forte» перебит фока-рей, на берегу найдены обломки кормовых украшений, а на пароходе поврежден кожух.

Среди убитых мы нашли еще тело американца с «Chease», который в числе других был захвачен неприятелем в Тарьинской бухте, тот самый, который указал ему дорогу на гору. Человек этот нашел смерть по заслугам. Некоторые были обвинены англичанами в предательстве и, очевидно, повешены. Поразительное бывает у некоторых людей предчувствие, указывающее ожидающую их смерть или великую

Памятник героям батареи лейтенанта А. Максutowа. Установлен в 1954 году

беду. Так случилось и с князем Максutowым, который вечером 28 августа в глубокой задумчивости сидел на своей батарее. Он часто думал о смерти своей и, между прочим, говорил о ней со мной. Пал он героем и особенное присутствие духа показал, когда ему пилили кость раздробленной руки. Ни звука не издал он, только сжимал губы и перекусил сигару, которую держал в зубах. Как только появлялся кто-нибудь с фрегата, он непременно говорил: «Молодцы наши аврорцы!».

Всю ночь исправлялись повреждения на батареях. Перед батареей на перешейке был насыпан вал. В этих работах деятельное участие принимали капитан-лейтенант Тироль и прапорщик морской артиллерии Можайский. Каково было удивление противника, когда он на следующий день разглядел новую совершенно закрытую батарею.

Среда 25 августа/6 сентября. Едва стало светать, как пароход «Virago» направился в Тарьинскую бухту, ведя на буксире три больших баркаса. Они были наполнены убитыми, которых везли на берег для предания земле. Ночью, после погребения, пароход ушел обратно к эскадре.

Четверг 26 августа/7 сентября. К деревне

Авача пригнало обломок нашей шлюпки, которая была разрублена на куски. Ночью эскадренные шлюпки были подняты. Мы усматривали в этом военную хитрость и ожидали ночной атаки. На кораблях были подняты поврежденные фока-реи и крьюйс-стенгги.

Пятница 27 августа/8 сентября. Ночь прошла спокойно, но около 6 часов утра у нас пробил тревогу. Говорили, что неприятель поднимает якоря и собирается возобновить наступление на нас. Велико же было наше удивление, когда мы увидели, что корабли, подняв паруса, один за другим медленно и в полном порядке стали двигаться к выходу из бухты. В 8 часов вся эскадра покинула залив. Долго еще мы стояли на своих местах, не смея верить глазам своим, даже и тогда еще, когда эскадра совсем скрылась из вида на горизонте. Мы все еще ожидали, что она повернет обратно, чтобы неожиданно для нас произвести новое наступление. Но она исчезла безвозвратно. И слава Богу, ибо остаться в живых все-таки лучше, чем умереть. Этому обстоятельству мы тем более были рады, что после нашей блестящей победы мы заслужили славу и могли ожидать награды, которая порадует не только нас, как участников дела, но и всех наших: отцов, матерей, родных и друзей.

«Следовать в Александровск...»*

Среди различных видов дошедших до нас исторических документов особенно притягательно эпистолярное наследие, ибо оно доносит живые эмоции и сообщает такие сведения, какие обычно не встречаются на желтеющих страницах официальных рапортов, отчетов и справок. Вместе с тем и те и другие, в особенности если они в какой-то мере связаны общей темой, являются тем ценным дополнением друг друга, которое позволяет с наибольшей полнотой осветить события прошлых лет.

Общим для предлагаемых вашему вниманию исторических материалов является их автор командир линейного корабля «Чесма» капитан I ранга В.Н. Черкасов¹.

Первый и второй документы представляют собой его письмо и выписку из акта комиссии, назначенной командующим Сибирс-

кой флотилией вице-адмиралом М.Ф. Шульцем² для выяснения состояния артиллерии на кораблях, приобретенных у Японии «Сойя», «Сагами», «Танго» (бывшие крейсер «Варяг», эскадренные броненосцы «Пересвет» и «Полтава», переименованный в «Чесму»), адресованные командующему Черноморским флотом адмиралу А.А. Эбергарду³. Ценность этого письма состоит в непринужденной форме изложения сведений о жизни корабля и его экипажа, в отличие от сухих служебных донесений, поскольку В.Н. Черкасов непосредственно подчинялся не А.А. Эбергарду, а командиру Отряда судов особого назначения контр-адмиралу А.И. Бестужеву-Рюмину⁴.

В свою очередь, последний документ — это отрывок из подлинного официального рапорта В.Н. Черкасова о конечном этапе перехода «Чесмы» к берегам Кольского полуострова. Причем, о том значении, которое придавалось усилению флотилии Северного Ледовитого океана, говорит тот факт, что данный отрывок был даже подготовлен в виде отдельного доклада по Морскому генеральному штабу, представленного Николаю II 24 января 1917 года. Однако его впечатление о прочитанном выразилось в малозначащей резолюции: «Следует проставить фамилии командиров...»

*По материалам РГАВМФ, ф.11, оп.1, д.45.